На правах рукописи

Гарипова Гульчира Талгатовна

ПРИНЦИПЫ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА (НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ)

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Владимир – 2021

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Шафранская Элеонора Федоровна

Официальные оппоненты:
Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кафедра русской и зарубежной литературы, заведующий кафедрой;
Люсый Александр Павлович, доктор филологических наук, профессор, АНО ВО «Институт кино и телевидения», кафедра теории и истории культуры, профессор;
Дзюба Елена Марковна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», кафедра русской и зарубежной филологии, профессор

Ведущая организация:
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Защита состоится 30 сентября 2021 года в 11 ч на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровского, д. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 – и на сайте http://diss.unn.ru

Автореферат разослан «____» _____ 2021 года

Ученый секретарь
диссертационного совета Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном литературоведении одной из концептуальных продолжает оставаться задача целостного культурологического переосмысления литературного процесса прошлого столетия и создания истории русской литературы XX в. с учетом новейших междисциплинарных концепций и теорий изучения принципов миромоделирования. В диссертации нашли отражение перспективные научные направления интегрального литературоведения, связанные с историко-литературными и теоретическими вопросами определения тенденций становления русской прозы XX в., соотносимых с концепциями человека и бытия в неклассической парадигме художественности, идентифицируемой как мировоззренческо-эстетическая целостность, определяющая специфику эстезиса модернистского/постмодернистского типов художественного сознания. Задача выявления принципов художественного миромоделирования (констатируемых в системе манифестарных протоформул «мир как сознание» / «мир как текст»), антропософских и онтософских дефиниций авторских миромоделей, уровней соотношения действительности и «вторичной (поли)реальности», «жизненных миров» и «возможных миров» обуславливает *выбор темы* и определяет ее *актуальность*.

Актуальность диссертационного исследования заключена в том, что идентификация антропософских и онтософских концепций в русской прозе XX в., систематизация концептуальных миромоделей, эволюционно значимых для неклассической парадигмы художественности, выявление их миромоделирующих констант и принципов конструирования позволяют определить логику и закономерности развития русского литературного процесса эпохи в целом. Решение научно значимой проблемы всестороннего осмысления динамики становления миромоделирующих стратегий, характеризующих модернистский и постмодернистский этапы развития русского «культурного сознания», позволит сгенерировать и перспективу построения новой истории литературы XX столетия.

Научная значимость данного подхода определяется динамизацией в современной мировой науке междисциплинарных исследований в области гуманитарного знания, включающих в себя попытку комплексного анализа социокультурных миромоделей, их историософских, социологических, психоаналитических, культурфилософских, геополитических координат, репрезентированных в художественной системе и генерирующих эстетические принципы миромоделирования в том числе. Концептуализация в интегральном исследовании художественных миромоделей проблемы синтеза социогуманитарных наук и наук о жизни также определяет его актуальность.

Трансференция классического (миметического) художественного сознания в систему неклассического (антимиметического) была вызвана не только и не столько эстетическими новациями, сколько изменениями научной картины мира (*выстраиваемой на основе теории относительности в физике, космологической идеи нестационарной Вселенной, концепции квантовой механики, гипотез нелинейного пространственно-временного континуума*).

Неклассическое восприятие реальности как нелинейно взаимопересекающихся «множественных миров», недетерминированных, диссипативных, саморегулирующихся и вероятностных, породило эпистемологическую необходимость изучать и фиксировать художественно познаваемую «вторичную (поли)реальность», а также эстетическую задачу формирования принципов моделирования *«возможных миров»*.

«Сложно построенный смысл» (Ю. Лотман) неклассических миромоделей репрезентирует антропософию и онтософию, обусловленные идеалистическими позициями, антимиметической эстетикой и нелинейной макромоделью «множественного мира», в свою очередь, формирующей особую «лабиринтную» архитектонику конструирования художественного текста (*«мироприемлющего»* и *«мироподобного»,* в терминологии В. Хализева). Проецирование «вторичной (поли)реальности» в хронотопические модели «возможных миров» осуществляется в прозе XX в. через систему миромоделирующих уровней – пространственно-временной континуум (*нелинейная форма организации, определяющая «лабиринтную» архитектонику*), субъектная организация текста, семиотическое пространство (*организующее смысловые интер- и формально-содержательные гипертексты*).

Актуализируется положение В.Н. Топорова о том, что «в самом общем виде М. м. определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах. <…> М. м. может характеризоваться и в соответствии с тем, какими символами передаются эти универсальные знаковые комплексы»[1]. Художественная миромодель проектируется в соотнесении с парадигмальными установками и направленческими принципами «внутри традиции» неклассической парадигмы художественности. Дополнительные коннотации категории «художественная модель/миромодель» представлены в исследованиях Е. Михайловой, Н. Лариной, М. Шадурского, И. Нероновой, И. Аванесяна и других.

Степень изученности проблемы. Обобщающих работ по истории и

[1] *Топоров В.Н.* Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 161–166.

теории художественного миромоделирования не так много, соотносятся они в основном с исследованием частных локальных жанровых модификаций. В их числе важны работы Т. Чернышевой, О. Наумчик, Е. Неелова, Е. Ковтун, Д. Батурина, Е. Нестеровой, связанные с выявлением моделей «возможных миров» с акцентом на жанрах фантастики и фэнтези. Следует отметить исследование Н.А. Лариной[2], в котором представлены идентификационные характеристики категории «модель мира» в соответствии с актуальными для нашей работы понятиями: миромоделирующие универсалии и протоформула миромоделирования. Проблема «*семантики* возможных миров» актуализируется в научной парадигме с конца XX в., появляются междисциплинарные исследования понятия «возможный мир»[3]. Среди теоретических разработок следует отметить работы, определяющие специфику введения понятия «возможный мир» в систему художественного текста[4].

В научных исследованиях В. Агеносова, Г. Гачева, Э. Шафранской, М. Айзенберга, П. Басинского, Л. Баткина, П. Вайля, А. Гениса, О. Вайнштейн, Р. Гальцевой, Б. Гройса, О. Дарка, В. Ерофеева, А. Жолковского, С. Зенкина, А. Зорина, В. Ивбулиса, Ю. Карабчиевского, В. Линецкого, Н. Маньковской, А. Немзера, В. Новикова, С. Носова, О. Клинга, Г. Померанца, К. Степаняна, С. Федякина, А. Коваленко, И. Юхновой, А. Маркова, В. Халипова, М. Эпштейна, С. Мартьяновой, И. Костылевой, О. Сухих, А. Люсого, М. Ямпольского и др. представлен многоуровневый анализ авторских художественных картин мира, связанных с национальной, иноэтнокультурной,

---

[2] *Ларина Н.А.* Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01. М., 2018. 38 с.

[3] *Целищев В.В.* Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: Наука, 1977. 191 с.; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.; *Успенский П.* Новая модель вселенной. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 560 с.; *Бабушкин А.П.* «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001. 86 с.; *Гудмен Н.* Способы создания миров. М.: Идея-пресс-Праксис, 2001. 376 с.; Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. М.: Канон+, 2011. 402 с.; *Солдатов А.В.* Развитие идеи множественности миров в европейской философии и богословии XVII–XIX веков // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. № 146. С. 33–41; *Горбатова Ю.В.* Семантика возможных миров: уровни анализа и понятие существования // Известия Урал. федер. ун-та. 2014. № 1. С. 72–78; *Doležel L.* Heterocosmica. Fiction and possible worlds. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 339 p.; *Ronen R.* Possible worlds in Literary Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 244 p. и др.

[4] *Лунькова Л.Н.* Возможные миры художественной литературы // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2009. № 35(173). С. 111–114; *Слободнюк С.Л.* Философия литературы: от утопии к Искаженному Миру. М.: ФЛИНТА, 2020. 389 с.; *Разумова Н.Е.* Пространственная модель мира в творчестве А.П. Чехова: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Томск, 2001. 435 с.; *Темиршина О.Р.* Художественная модель мира и проблемы литературной традиции // Resphilologica. Архангельск: Изд-во ПомГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 5–9; *Хольтхузен И.* Модели мира в литературе русского авангарда // Вопросы литературы. 1992. № 3. С. 150–160; *Шадурский М.И.* Семантика художественной модели мира в литературной утопии // Вестник СПбГУ. Филология. Вып. 3. 2007. С. 84–91; *Юдов В.С.* Мифический аспект в концепции мира в произведениях Платонова. URL: https://narfu.ru/sf/sevgi/departments/linguistics/publics/vipusk_5/4razd.doc и др.

наднациональной проблематикой.

Особое внимание мы обратили на работы, дающие целостное системное представление о феномене модернистского и постмодернистского типов художественного сознания в русской литературе: в частности, труды А. Белого (Символизм как миропонимание); И. Смирнова (Художественный смысл и эволюция поэтических систем); М. Липовецкого (Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики; Концептуализм и необарокко: Биполярная модель русского постмодернизма); И. Ильина (Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа и др.); В. Дианової (Постмодернистская философия искусства: Истоки и современность); И. Скоропановой (Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык); В. Курицына (Русский литературный постмодернизм), В. Тюпы (Парадигмы художественности: конспект цикла лекций и др.), М. Эпштейна (De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века) и т.д.

Манифестарные вопросы эстетики неклассической парадигмы художественности XX в., проблемы идентификации модернизма и постмодернизма представлены и в работах западноевропейских теоретиков[5].

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем реализована задача идентификации и систематизации художественных миромоделей на основе манифестарных модернистских/постмодернистских протоформул (*мир как сознание / мир как текст*), принципов миромоделирования с акцентуацией антропософских и онтософских концепций в процессе эволюции неклассической парадигмы художественности (в системе этапов: *символизм – авангард – постмодернизм* и т.д.) с учетом социокультурного расслоения русского литературного процесса XX в. (*в промежутке 1917–1991 гг.*) на официальный и неофициальный (*андеграунд и русское зарубежье*) векторы развития.

Новизна методологической концепции исследования связана с выработкой интегрального подхода к биноминальной схеме структурирования художественных миромоделей. Впервые выделено ядро миромоделирующего

---

[5] *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.; *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.; *Делез Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 6–31; *Деррида Ж.* Голос и феномен (и др. работы по теории знака Гуссерля). СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.; *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Унив. книга, 2002. 280 с.; *Лиотар Ж.-Ф.* Заметки о смыслах «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 56–59; *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 586 с.; *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.; *Ханзен-Леве А.* Мифопоэтический символизм. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.; *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 375–376.; *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1986. № 10. С. 101–102; *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 535 с. и др.

алгоритма, которое составляют два взаимообусловленных концепта – ИСС[6] «параллельных миров» (идентифицирующие *антропософский уровень*) и хронотоп «параллельных миров» (организующий миромоделирующую *онтологизацию*); разработаны константы *интегративной миромодели*, встроены в систему «лабиринтного мироздания»[7] и проанализированы с выходом на авторские антропософские и онтософские формулы моделей-универсалий: *homo ludens ↔ игровая модель мира; homo scribens ↔ мир как текст; homo faber ↔ мир – мировая книга; homo narrans ↔ нарративная модель мира; homo interpreter ↔ герменевтическая модель мира; homo dreamer(сновидец) ↔ сомнологическая (онейросферическая) модель мира; homo licantropus (оборотень) ↔ оборотническая модель мира; singleton ↔ я-в-бытии (экзистенциальный человек); коллективный человек ↔ ноосферная модель мира*. На их основе разработаны идентификационные константы онтософских миропроектов, позиционирующих антропософский тип героя с выраженным ИСС; выделены принципы художественного моделирования «вторичной (поли)реальности».

Объектом исследования являются категории «человек» и «бытие» в их антропо- и онтософском осмыслении и соотнесенности в неклассической парадигме художественности; авторские принципы и стратегии проектирования «жизненных миров» / «возможных миров», их константы и вариации.

Предмет исследования – имманентные и контекстуальные закономерности и противоречия литературного процесса XX в.; концептуальные тенденции развития неклассической парадигмы художественности; антропо- и онтософия.

Материал исследования. В диссертации рассматриваются художественные и культурфилософские произведения русских прозаиков XX в. Д. Мережковского, В. Брюсова, Л. Андреева, А. Белого, Е. Замятина, А. Платонова, Д. Хармса, В. Набокова, А. Битова, А. Кима, Т. Пулатова, Д. Гранина, Л. Петрушевской, Саши Соколова, Т. Толстой, Ю. Мамлеева, В. Пелевина, Д. Липскерова, Ч. Айтматова, Х. Исмайлова, Е. Абдуллаева (Сухбат Афлатуни), Ф. Горенштейна, В. Сорокина, Д. Глуховского, Е. Зайцева, П. Алешковского, А. Варламова и ряда других авторов, которые вписываются в контекст мировоззренческих и/или эстетических принципов неклассической парадигмы художественности, соотносятся между собой в системе «общего типологического ряда» и проектируют конститутивные и/или вариативные

---

[6] ИСС – измененные состояния сознания, в систему которых могут входить галлюцинации, шизоидный бред, сновидения, наркотические видения, смерть, оборотничество и т.д.

[7] Ключевые константы мирообраза «лабиринт» соотносятся с дефиницией «паракатегория неклассической эстетики», позиционируемой В. Бычковым.

модели «жизненных миров» / «возможных миров», репрезентирующие парадигмальные принципы миромоделирования.

Цель исследования – определить антропо- и онтософские принципы миромоделирования в русской прозе XX в., идентифицировать протоформулы и манифестарные миромодели, дать аналитическую характеристику их вариантов и проследить специфику формирования авторских трансперсональных миромоделей[8] в неклассической парадигме художественности.

Задачи исследования:

– рассмотреть историко-литературные, мировоззренческие и эстетические «мироподобные» координаты русского модернизма и постмодернизма как художественных явлений (в дефинициях *«тип художественного сознания», «вектор развития», «направление», «историко-литературная формация»*); определить парадигмальные точки взаимопересечений в единой «парадигме художественности» (неклассической);

– исследовать процессы формирования интегральной системы художественных концепций человека и бытия, центрирующих «мироприемлющие» признаки неклассической парадигмы художественности; провести комплексный анализ текстовых миропроектов в системе моделей-манифестов и авторских вариантов в русской прозе XX в., объединенных общим критерием «художественное модернистское сознание»;

– идентифицировать систему ключевых модернистских тенденций (*нео*мифологизации и экзистенциализации), выявить условия их интерференции и обозначить миромоделирующие функции в системе «мироподобных» и «мироприемлющих» жанров;

– дать дефинитивную и аналитическую характеристику неклассических миромоделирующих протоформул, принципов проектирования «вторичной (поли)реальности»; определить знаковые, образные, смысловые составляющие их «семиотического пространства»;

– идентифицировать и систематизировать миромоделирующие константы пространственно-временно́го континуума, знаки/образы семиотического пространства, элементы/уровни субъектной организации текста в произведениях, соотносимых с «неклассической парадигмой художественности»;

– раскрыть диалектическое единство антропософских и онтософских концептов в разработке идеалистических моделей «возможных миров»

---

[8] **В значении** – индивидуально-авторская модель мира, обладающая не только всеми свойствами и возможностями манифестарной модели, но и дополнительными коннотациями и семиотическими смыслами.

(художественные утопии и антиутопии) в творчестве русских символистов, в постсимволистской прозе неореалистов;

– проследить трансформации миромоделирующих принципов в синтетической «парадигме художественности» в прозе «поколения сорокалетних», в антиутопиях (дистопиях, ретротопиях) второй половины XX в.; выявить генезис и специфику их художественного воплощения (следование канону, метаморфозы, трансформации) в постмодернистских текстах русской прозы II половины XX в. с целью идентификации эволюционных закономерностей;

– доказать единство неклассических миромоделей в русской прозе XX в. на основе повторяемости констант антропо-/онтософских универсалий и парадигматических протоформул.

Методологическую основу диссертации составляют исследования, в которых разрабатывается поэтика миромоделирования, учитывающая направленческие, жанровые, стилевые, рецептивные составляющие произведений русской литературы XX в.: в частности, актуальными для нас стали труды Е. Мелетинского, Д. Лихачева, В. Топорова, В. Жирмунского, Ю. Тынянова, О. Фрейденберг, Л. Силард, М. Гаспарова, М. Бахтина, Ю. Лотмана, Л. Гинзбург, Ю. Тынянова, Н. Конрада, А. Веселовского, Ю. Борева, В. Тюпы, Н. Тамарченко, С. Бройтмана, В. Хализева, В. Заманской, А. Коваленко, А. Грякалова, И. Кребель, В. Зусевой-Озкан, У. Далгат, В. Налимова, Ж. Дрогалиной и др.

Методы исследования. В работе используются принципы интегрального литературоведения, методы комплексного анализа, а также сравнительно-исторический метод анализа источников, структурно-семиотический метод, в рамках которого актуализированы принципы мотивного анализа и методика интертекстуального исследования. В работе применяются также принципы контекстно-герменевтического анализа (В. Заманская), мифопоэтического анализа, интертекстуального анализа, «лингвоспектрального анализа» (Б. Ларин), а также методология «этико-психологического параллелизма» (Л. Гинзбург), миросистемного анализа (И. Валлерстайн), принципы моделирующего подхода, рецептивный анализ, приемы семанализа (Ю. Кристева) и имагологии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Опыт русской прозы XX в. рассматривается нами в ситуации полилога различных типов художественного сознания, обусловленного принципом параллельного развития модернизма и реализма (в условиях парадигмальной диффузии). Логику и динамику литературного процесса XX столетия концептуально определяет появившийся на рубеже XIX–XX вв. и

претерпевший в течение эпохи эволюцию новый тип художественного сознания, противопоставленный классическому (*миметическому*) – модернистский (*антимиметический*). Наиболее полно реализованный в художественном неклассическом подходе к решению проблемы Человека и Бытия, полипарадигмальный по своему содержанию, он организует неклассическую парадигму художественности.

2. Системный анализ неклассической картины мира, продуцирующей антропософские и онтософские концепции и интер/гипертекстовые принципы миромоделирования, позволит не только идентифицировать роль модернизма, авангарда и постмодернизма в истории русской литературы XX в., но и определить динамику развития реального «нетеневого» литературного процесса.

3. Специфика модернистского художественного сознания (включающего в свою макропарадигму авангардное, экзистенциальное, постмодернистское и иные типы неклассического (*антимиметического*) сознания) диктует условия для формирования жанровой и мировоззренческой системы неклассической русской прозы XX в. и выявляется в ракурсе концептов биноминальных миромоделей-универсалий, авторских трансперсональных вариантов, их антропософских и онтологических констант, структурирующих «вторичную (поли)реальность», мироподобные модели «жизненных миров»/«возможных миров» как «аналогов целостного бытия» (В. Хализев).

4. Генезис русского постмодернизма восходит не только к модернизму, но и к русскому классическому художественному сознанию; постмодернизм соотносится с модернизмом в антимиметической мировоззренческой концепции, организованной в ракурсе протоформул «мир как сознание» / «мир как текст», в эстетической системе поэтики «лабиринтного мироздания», (нео)мифомоделирования, «экзистенциальной ситуации», определяется дифференцированными соотношениями концептов «хаосмос» и «космогенез».

5. Проектирование и реконструкция художественных миромоделей в неклассической парадигме художественности осуществляются на основе внутренней взаимосвязи и взаимообусловленности персонологического (модусы категории «человек») и онтологического (модусы категории «бытие») уровней, которые семиотически связаны с авторскими антропософскими и онтософскими идеями и концептами. Это позволяет выделить соответственно антропософский концепт – герой с ИСС (*homo ludens, homo scribens, homo faber, homo narrans, homo interpreter, homo dreamer(сновидец), homo licantropus (оборотень), singleton (экзистенциальный человек), коллективный человек*) и онтологический – хронотопы «жизненных миров» / «возможных миров» (*игровая модель мира, мир как текст, мир как мировая книга, нарративная*

модель мира, герменевтическая модель мира, сомнологическая (онейросферическая) модель мира, оборотническая модель мира, я-в-бытии / бытие-во-мне, ноосферная модель мира).

6. Альтернативой реалистической, социально детерминированной картины мира у модернистов XX в. (символистов, экзистенциалистов, «высоких модернистов» и т.д.) становится образ «иного» мира (идентичного «вторичной реальности»), моделируемый как «(нео)мифомир» посредством символов, мифологем, мотифем и т.д.; в авангарде и постмодернизме – модель «возможных» миров (различные формы сверхреальностей) с акцентацией на интер/гипертекстуальных кодах «культурологического» бытия *(«мир как текст» реконструируется в эстетический шифр «культура как мир» или «(пост)книжный мир»)*.

7. «Возможные миры» могут продуцировать также множественные варианты «мысленных миров» и телесные миры «превращенной формы», которые связаны условиями полилога и структурируются по принципам искаженных миров. Искажение как способ проектирования «возможного мира» в системе «сознательной пространственности»[9] и определяет стратегию фрактального конструирования «лабиринтного мироздания».

8. Метафикциональность как миромоделирующий и жанрообразующий концентр неклассического миро-текстообразования организует особые гетерогенные взаимоотношения между автором, читателем и героями в постмодернистском нарративе.

9. Гипертекст как миромоделирующая стратегия десемантизирует и декодирует классическую схему трехмерного мира, инициирует ее трансформацию в гиперреалистическую модель «множественных миров», варьирующуюся в локусы «жизненных миров» и «возможных миров».

10. Референция как способ контекстуализации «мироподобного» семиотического пространства создает интенцию для интериоризации и экстериоризации миромоделирующих претекстов, организуя единое поле «культурной памяти» для классического и неклассического миромоделирования.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней представлено новое направление в исследовании эволюционно значимых мировоззренческих и направленческих координат модернистского художественного сознания, дана идентификация неклассических миромоделирующих стратегий в контексте интегрального литературоведения.

---

[9] Под «сознательной пространственностью» мы понимаем тезис «сознание как измерение временной пространственности». Таким образом, сознание обретает функцию художественного способа моделирования фрактального пространственно-временного континуума «мир как сознание».

Полученные результаты могут способствовать выработке новых подходов в создании истории русской литературы XX в. и теории комплексного междисциплинарного исследования принципов миромоделирования как новационной методики изучения литературного процесса.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использовать как исследование в целом, так и отдельные его разделы при чтении курсов по истории русской литературы XX в., на спецкурсах и спецсеминарах по проблеме художественного миромоделирования. Результаты исследования могут быть введены в метапредметные и междисциплинарные модули исследования картины мира XX в.

Достоверность научных выводов и полученных результатов основана на проведенном анализе как научных исследований по проблеме диссертации, так и художественных текстов; обеспечивается методологией интегрального анализа моделей *жизненных* и *возможных* миров в контексте системы «неклассическая парадигма художественности» с привлечением син- и диахронической контекстуальной фоновой традиции, позволившей выявить закономерности формирования русской миромоделирующей практики.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в 76 научных публикациях, включая монографию «Художественные модели бытия в литературе XX века», в научных статьях в журналах, 18 из которых входят в базу данных ВАК РФ, а также прошли апробацию на научных семинарах и конференциях всероссийского и международного уровней: «Развитие жанра романа в последней трети XX века» (Ташкент, 2007); «Виноградовские чтения в Республике Узбекистан» (Ташкент, 2006–2020); «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира» (Москва, 2009–2011); «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (Москва–Ярославль, 2009); «Человек и общество: проблемы взаимодействия» (Саратов, 2010); «Булгаковские чтения» (Бухара, 2011); Панковские чтения «Русская литература за рубежом» (Москва, 2011); «Традиционные и инновационные подходы к преподаванию филологических дисциплин в поликультурном коммуникативном пространстве» (Саранск, 2013); «Надькинские чтения: Гуманитарные науки и стратегии образования: пути интеграции» (Саранск, 2013); «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, Фонд Достоевского, 2012, 2014); «Русский язык и русская литература в мировом культурном пространстве. Ценности и смыслы» (Москва, 2014); «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование» (Владимир, 2016–2020); «Грехневские чтения: Литературное произведение в системе контекстов» (Н. Новгород, 2016, 2018); XIV Международные научные чтения памяти Н.Ф. Федорова (Москва, 2016);

«Художественный текст и культура: Литературовед в современной культуре: личность, слово, общество» (Владимир, 2017); «Эстетика и эстетическое образование в процессе трансформации современной культуры» (Владимир–Суздаль, 2018); «Бестиарий антитез (RES ET VERBA–7)» (Москва, 2018); «Genius loci в литературе, искусстве, культуре (Москва, 2018); «Разговоры о множестве миров Антиоха Кантемира» (Москва, 2018); «Бестиарий как ars combinatorica (RES et VERBA–8)» (Москва, 2019); «Даниил Гранин и его время» (Москва, 2019); «Бестиарий ненависти» (RES et VERBA–9) (Москва, 2020); «Иудаика в системе современного образования» (Москва, 2020); «Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI вв.» (Н. Новгород, 2020); «Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия» (Москва, 2021) и т.д.

Структура работы. Диссертация включает введение, пять глав с параграфами, заключение, библиографию, насчитывающую 535 позиций, приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются актуальность, выбор темы исследования, определяются цель и задачи, методы исследования, раскрываются новизна, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются объект и предмет исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, представлены апробация работы и структура диссертации.

Глава первая «Логика художественного развития русской литературы в социокультурном пространстве XX в.» посвящена историко-литературным, теоретическим и методологическим проблемам функционирования художественного модернистского сознания, определившего становление неклассической парадигмы художественности в русской литературе XX в.; вопросам идентификации его константных признаков и тенденций.

Логика художественного развития русского литературного процесса XX в. определяется эволюционной сменой как эстетической, так и этико-философской парадигмы, интерферирующей два макротипа художественного сознания – *реалистический* и *модернистский*, сосуществующих параллельно, в сложных взаимоотношениях диа(поли)лога, построенного как на отталкивании, так и на взаимопритяжении. Направленческая эволюция и трансформации обусловлены их синтезом и диффузией, приводящих к интерференции. Концептуальные модели человека и бытия, конструируемые в системе неклассических антропософских и онтософских проекций в русской литературе

первой половины XX в., «зеркально» отражаются в авторских миромоделях второй половины XX – начала XXI в. «Текстовая» реальность эпохи «дегуманизации искусства» (Х. Ортега-и-Гассет) приобретает дихотомическую функцию, формально структурируясь по принципу наслоения различных реальностей (первичных и вторичных), образует *полилогически множественную реальность* (полиреальность, в нашем определении). В определенных условиях социокультурной ситуации («антропологический поворот», «эстетический взрыв», социокультурные смены развития общества), на стыке направленческих эпох, происходит трансформация эстетических норм художественности. В процессе социально-этико-философского «переосмысления-переоценки», иногда перерастающей в девальвацию, происходит смысловая эволюция концептуально-направленческих парадигм художественного сознания.

В первом параграфе «Концептуальная роль художественного модернистского сознания в смене литературной парадигмы XX столетия: эстетические и этико-философские аспекты» систематизируются сложившиеся в науке представления о специфике художественного модернистского сознания; выявляются закономерности развития русской национальной модели «неклассическая парадигма художественности»; рассматриваются вопросы идентификации категории «художественное сознание». Объем художественного сознания выявляется *«парадигмой художественности»* с концептуальным для нашего исследования значением «рецептивные “программы” воспринимающего сознания, которому принадлежит решающая роль в организации творческого процесса…»[10].

Внутрипарадигмальная грань между модернизмом и постмодернизмом определяется доминированием типа художественного сознания – преобладание экзистенциального свидетельствует в пользу первого, диалогического – в пользу второго. В качестве доказательной базы в работе противопоставляется манифест Э. Ховардсколма и теория У. Эко. Протоформула экзистенциального миропроекта «бытие-в-мире» эстетизирует антропософский тезис «мир как сознание», приводящий к модернистской модели мира как проекции человеческого присутствия (Л. Бинсвангер): оппозиция мира и человека (*как объекта и субъекта*) снимается, они образуют единое семиотическое поле реальности. Тезис Р. Барта «мир как текст» определил миромоделирующие модусы постмодернизма как явления второго этапа модернистского сознания.

Параграф второй «Принципы художественного миромоделирования и

---

[10] *Тюпа В.И.* Парадигмы художественности: конспект цикла лекций // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1997. № 3–4. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse34_22.htm

жанровая трансформация в русском литературном процессе XX в.» рассматривает логику жанрового развития в русской прозе XX в. Отмечается, что реконструкция романной и новеллистической систем обозначилась уже в творчестве символистов, выделяются две основные тенденции. Первая инициировала принцип сопряжения субъективного и объективного в субъектной организации текста (автор – герой; лирический герой, гетеронимы автора), ознаменовала некоторое родовое смешение лирических и эпических жанровых координат. Это привело к усилению исповедальности прозы, концептуализации «потока сознания», десюжетизации (с выходом на сюжетную ретардацию). Несомненно, что эта тенденция провоцирует вторую – размывание внутренних жанровых границ между рассказом и романом. «Романное мышление» раздвигает в рассказе «пространственную постановку смысла» (М. Бахтин), а зацикленность на внутреннем углублении одного образа, характерная для рассказа, в романе приводит к усилению бессобытийной нарративности. Жанровым дифференциатором, разграничивающим романную и новеллистическую модель мира, может считаться оппозиция «многомерность – одномерность» (соответственно). В процессе жанровой диффузии формируется особое качество новеллистической многомерности, направленной на углубление психологической полифонии сознания героя и его мира.

Параграф третий «Художественная феноменология “возможных миров” в парадигме “мироподобных” типов художественного текста: антропологическая и онтологическая конвергенция» посвящен исследованию понятия «возможный мир», понимаемого как особая форма художественной метафоризации со-присутствия «своего» и «чужого» в миросистеме человеческого бытия. С опорой на положение И.В. Неронова о том, что «теория возможных миров в ее приложении к литературе должна представить новый подход к анализу художественного мира произведения, не повторяя ошибок теории мимесиса, и при этом решить проблему фикциональной референции»[11], можно констатировать необходимость исследовать не собственно философские составляющие категории в чистом виде, а текстообразующий миромоделирующий эстезис (т.е. художественные принципы создания «возможного мира»).

«Возможный мир» соотносится с пониманием допустимой модели гипотетической реальности, которая может быть представлена как существующая, но не выраженная материально-объективно в

[11] *Неронов И.В.* Теория возможных миров литературы: предпосылки создания, основные задачи и подход к художественному миру литературного произведения // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 279.

действительности, своего рода «ментальная проекция реального объективного мира, определяющая границы разумности человека»[12]. Образ «возможного мира» тем самым позиционирует систему «множащихся миров», определяющую вероятностную схему разных форм/моделей реальности. «Возможный мир» в основе своей имеет образную природу, семантически зафиксированную в метафорике/символике «мироподобных» эстетических форм, то есть становится соответственно «аналогом упорядоченного целостного бытия» (В. Хализев).

Феномен художественной онтологизации связан не с умопостижением, а образным умопредставлением (точнее – *осознанным представлением*), воображением, гипотетическим проектированием вероятностной миромодели. Ю. Лотман определяет «возможный мир» как «семиотическое пространство», логику его составляет семиотика смысловых знаков, в художественном тексте фиксируемых на уровне фикциональных образов и референциальной рецепции. Концептуальным является положение В. Хализева о «мироподобных» структурах и о ценностных координатах мироподобия художественной модели мира, позволяющее констатировать целостность произведения и его бытийную проективность, приводящую к переориентации «мироприемлющего начала» на художественное миростроительство или миромоделирование как стратегии художественного текстообразования.

Глава вторая «Русская проза первой половины XX в.: мифомодели в философско-эстетическом контексте модернизма – “антропологический поворот”» посвящена исследованию художественной концепции человека и бытия в прозе русского символизма, детерминированной феноменом «антропологического поворота». Принципы миромоделирования дефинируются с акцентом на антропософских и онтологических составляющих, структурных уровнях архитектоники «мироподобного» романа, особенностях его содержательной семиотики. Анализируются авторские трансперсональные романные мифомодели, интегрирующие в условиях «эстетического императива целостности» текстовое со-знание (мир как текст – текст как сознание), личностное сознание (бытие-во-мне) и онтологическое сознание (Я-в-бытии). Исследуется эстетика референциального миромоделирования культурфилософских идеалистических теорий. Следует отметить, что для прозы символизма характерна стратегия конструирования авторских мифомоделей с одновременным использованием принципов ремифологизации и демифологизации классических мифологем (историософем, экзистенциологем, культурологем, реалем и т.д.).

---

[12] *Самсонов А.Л.* На пути к ноосфере // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 61.

Художественное «экспериментаторство» ознаменовало новый тип мифомышления в русской литературе, – суть которого не в реконструкции существующих мифов, а в воссоздании новых смыслов через их ре-/дешифровку, посредством которой творится неомиф, отражающий новую картину мира. И если экзистенциализация символистской прозы привела к акцентации на антропософской составляющей новых «возможных (мифо)миров», то неомифологизм, генетически восходящий к *коллективному бессознательному*, актуализирует в них вне(без)личностный взгляд на мир, усиливая онтософскую проблематику. Это позволило модернизму начала эпохи осваивать два типа миромоделирования, сосуществующих в отношениях взаимообратимости – безличностно-универсальное и личностное[13]. Как следствие, параллельное «невраждебное» сосуществование реализма и модернизма в условиях эстетической диффузии приводит к развитию *синтетической художественности*, обогащающей оба направления.

В первом параграфе «Художественная гносеология метафизического познания человека и бытия в антропософских романных мифомоделях Серебряного века» представлен исследовательский материал по идентификации ключевых констант художественной модели бытия в модернистском романе. Анализируются стратегии воплощения антропо- и онтософской проблематики в прозе русского символизма; религиозно-философские и историософские константы миромоделей; антропософская семантика «возможных миров» в повести В. Брюсова, в «синтетическом» романе Л. Андреева (*интерферирующем реалистические и модернистские элементы с явным акцентированием на экзистенциальных миропроектах*), в трилогии Д. Мережковского.

Русские символисты вырабатывают особые принципы моделирования антропо- / онтософии «возможных миров» в соотнесении с категориями «тело», «телесность», «сознательность». Их неклассическая категориальная идентификация связана с разрушением классической оппозиции «телесное–духовное», с введением понятия «материя мысли (сознания)», а *телесность* рассматривается как факт присутствия «бытия-во-мне» в системе неразличения «внутреннего–внешнего». Таким образом, в работе актуализируется не только традиционное позиционирование мифологических оснований символики «телесного бытия», но и бимодальная метаформула «бытийная телесность сознания» (ярко представленная в концепциях Брюсова и Андреева). В

[13] Условно представленную новацию можно дефинировать как тип *экзистенциального мифомышления*, поскольку, по теории З. Фрейда и К. Юнга (психоаналитическая школа изучения мифа), в основе стремления к мифу лежат ИСС (измененные состояния сознания), к которым можно отнести в том числе масс-медийное сознание и экзистенциально обозначенные проявления психики человека.

процессе текстового анализа «телесных» символов акцентируется поэтико-философский контекст, обозначенный И.А. Кребель в системе триады «Экзистенциал/Тело/Миф». Мы также опираемся на положения работ Я. Чеснова[14] о модусах внутреннего и внешнего как основы этоса тела и Ж.-Л. Нанси[15], по которому тело означает самого себя и одновременно выступает как означающее. В работе концепты триады обозначены как миромоделирующие универсалии.

В ***разделе 2.1.1.*** выделяются уровни многомерной «семантики возможных миров» в повести «Огненный ангел» В. Брюсова, анализируются константы бинарного кода «духовное–телесное бытие», которые представляют хронотоп грани, метафизическую антропоцентричность «запредельного», внутреннее двоемирие, онейросферическую сознательность. Отмечается, что Брюсов выстраивает эпистемологическую систему познания Истины путем проникновения в «жизненные формы» бытия и через них постигает дифференцированные «нормы» – *метафизическую* (в понимании философского учения о предельных, сверхопытных принципах и началах бытия, знания, культуры) и *рациональную* (в значении научного знания). Мировоззренческое своеобразие брюсовской дуалистической концепции состоит в том, что он решает центральный вопрос метафизики – *вопрос о бытии, которое не тождественно только сущему* – в синтезе двух «норм». Отмечается, что модус телесного бытия центрируется писателем вокруг Я-концепта «homo somaticus», носит гносеологический характер и позиционируется как жизненное пространство в системе «параллельных миров».

В ***разделе 2.1.2.*** исследуется проблема идентификации семиотических составляющих авторского неомифа о «вочеловечившемся Сатане» в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны»; представлен лингвостилистический и концептуальный анализ семиотического поля романа в контексте междисциплинарной метаморфной модели Зальтмана «живая онтологическая телесность»; выстроены семаналитические схемы. В качестве объекта исследования были избраны лингвокультурные концепты «Человек – Сатана» как ключевые символы метаморфного образа «вочеловечившийся Сатана», отражающие важнейшие категории и установки антропософской концепции писателя. Реальное, материально-физическое, пространство человеческого тела и высшее сознание Абсолюта зла как два «параллельных мира» в процессе своей трансференции образуют третий – мир игры, в центре которого уже не

---

[14] *Чеснов В.* Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М.: ИФ РАН, 2007. С. 3.

[15] *Нанси Ж.-Л.* Corpus / сост., общ. ред. и вступит. ст. Е. Перовской. М.: Ad Marginem, 1999. С. 97, 103.

только «homo ludens», реализующийся в образе Магнуса и Марии, но и Сатана – ludens. В процессе гносеологического сотворения «нового земного социо-рая» выявляется антропософская (анти-божественная) суть «дегуманизированного» мира. В результате сюжетной ре-/демифологизации «мироприемлющей» утопической библиологемы «сотворение мира по замыслу Бога» в социологему «пере-сотворение мира по замыслу Человека-Сатаны» выявляется смысловой антиутопический хиазм – попытка спасения божественного мира по замыслу Сатаны обернулась экзистенциальной энтропией самобытия.

В параграфе втором «Художественная антропософия в утопической мифомодели Д. Мережковского (трилогия “Христос и Антихрист”): провиденциальная интерференция» представлен интегральный анализ художественной христологической антропософии Мережковского, в результате которого идентифицируются утопические константы и антиутопические элементы, исследуются уровни соотнесения философских и художественных аспектов «идеалистического» миробытия, выявляются доминантные концепты миромодели «книги бытия» (в системе контекстуального анализа с романом Д. Джойса «Улисс»), определяются архетипические мифологемы и ономастические культурологемы в трилогии «Христос и Антихрист», подробно анализируются миромоделирующие концепты в системе каждого из трех романов трилогии. Подчеркивается, что под двойным влиянием экзистенциальной традиции и философии русского космизма истинное бытие русскими символистами мыслится в реалиях двух уровней – *личностное («конкретный персонализм»)* и *вселенское («космический универсализм»).* Оспаривая концепцию Андреева, Мережковский на самом деле развивает именно его систему «доказательства любви через предательство», но только в иной метафорике «доказательства Христа через принятие Антихриста». Иисус Христос по сути своей есть изначальное воплощение синтеза-интерференции – человека и Бога, земного и небесного, телесного и духовного, жертвы и Спасителя. Таким образом, «Антихрист», исходя из логики «тезис–антитезис–синтез», есть инвариант синтеза иного порядка. Если Христос представлен как метафорическое обозначение Богочеловека, то Антихрист – скорее метафорическое моделирование образа Человекобога *(а не Сатаны)* как константы Сверхчеловека. Если следовать логике все той же триады, то именно Антихрист *(третий роман «Антихрист»)* является образом-синтезом, в котором «умерли все боги» *(первый роман-тезис «Смерть богов»)* и «воскресли новые боги» *(второй роман-антитезис «Воскресшие боги»)*. Таким образом, Мережковский разрушает, декодирует базисное религиозно-библейское понимание Антихриста и наполняет его новым синтезированным смыслом. Это *«не Бог»,* это *«не Христос»*, но это и *«не Человек»* в привычном

земном понимании, – это *Иное / Другой,* к постижению *Кого* стремились символисты в своих поисках Души Мира, Софии Мудрости. В работе выявляются контекстуальные смыслы «христианской онтологии» Бердяева, теории Ницше («Антихрист»), дефинируются миромоделирующие антропо-/онтософские «телесные» мифоконцепты с учетом их утопической и антиутопической специфики.

В параграфе третьем «Концептуальная многоплановость идеалистических концепций миропорядка в антиутопических “возможных мирах” первой половины XX в.» определены историко-литературные и теоретические координаты метапоэтики (анти)утопий, представлен анализ специфики художественной интерференции восточных и русских онтологических и антропологических теории в постсимволистской антиутопической картине мира, рассмотрен генезис антиутопической метапоэтики в русском неореализме. Тенденция онтологизации художественных идеалистических миромоделей, соотносимых со стремлением интегрировать провиденциальную антропологию в онтический континуум «возможных миров», спровоцировала появление моделирующего конструкта гипотетического социомира через историческое прошлое или настоящее. Антропологизация миромоделирующего эстезиса русских символистов в условиях жесточайшего ценностно-общественного коллапса, сопровождающего весь период построения советской социомодели, перетекает в онтологизацию «обезличенного» мира, эстетические вариации которого спроектировали жанровые и внежанровые принципы антиутопической традиции XX в. Проанализированы текстовые структуры (инвариативные и вариативные), выявляющие категории «метаповествование» и «рефлексия/метарефлексия».

В ***разделе 2.3.1.*** теоретизируются константные и вариативные черты (анти)утопической метапоэтики; рассматриваются три жанровых варианта, постулирующих симбиоз романа и утопии, жанровое единство утопии и антиутопии, диалогическую корреляцию утопии и антиутопии в системе бинома «жанр – антижанр»; описываются современные позиции по проблеме жанровых идентификаторов. Наиболее противоречивым становится вопрос об определении жанровых миромоделирующих концептов антиутопической модальности. Необходимо отметить и наличие точки зрения о внежанровой специфике антиутопии. Отмечено, что если утопия символистов была представлена как гипотетическая возможность (*причем они не давали картину не только конкретных координат ее «исторической состоятельности», но даже и приблизительных, сводя все к «чистой идее»*), то антиутопия неореалистов представала в текстах как уже состоявшаяся «историческая», детализированная и вполне реальная (*осязаемая, ощущаемая, визуальная, как,*

например, в романе Е. Замятина «Мы» или повестях А. Платонова).

В ***разделе 2.3.2.*** исследуется художественно-философская интерференция как принцип моделирования антиутопической картины мира начала XX в. Проблемы рецептивной соотнесенности восточных и западноевропейских типов культурфилософской космологии и эсхатологии рассмотрены в контексте «утопических» (*идеальных*) / «антиутопических» (*эсхатологических*) миромоделей русского неореализма. В художественных картинах мира В. Одоевского (позиционируемого нами как *претекст* к антиутопиям XX в.), Е. Замятина, А. Платонова представлена интегративная концепция художественного моделирования «возможного социо-мира», с выходом на мессианские теории. Мифоориентированная система аналогий позволяет писателям соотнести «конкретику» ономастикона с философскими космологическими идеями и вывести смысловую параболу. В повести «Джан» Платонов через эйдетический экфрасис псевдокартины в образно-символической системе фиксирует мифоконцепты ряда восточных религиозных систем (зороастризм, суфизм, идеи аль-Фараби) и интерферирует их с религиозно-философской утопией Н. Федорова. В этом проявляется один из логических приемов «семантики возможных миров».

В работе анализируются идеалистические антиутопические мифомодели в прозе неореалистов, конструирующие антропософию Диктатора-разрушителя и апокалипсическую онтософию. Они резонируют с символистской утопической провиденцией прихода Спасителя и референциально реконструируют идеалистические философские миросистемные модели «Философии общего дела» Федорова, «Добродетельного Града» аль-Фараби, а также встраивают мифоконцепты зороастризма, суфизма, каббалы и библейские мифологемы в эсхатологические миропроекты.

Метапоэтика художественных антиутопий рубежа XIX–XX вв. представляется диссипативной (открытой) макросистемой (*гетерогенной системой систем, включающей частные метапоэтики, характеризующиеся антиномичным соотношением научных, философских и художественных посылок,* в определении К. Штайн и Д. Петренко), структурированной по нескольким уровням: жанровая система определяется соотнесением утопического/антиутопического метаповествования и жанровых координат романа; мироподобная система – оппозицией идеалистического (утопического) и социального (антиутопического) мифообразов, реализованной в микросистеме религиозно-художественной утопии и социально-духовной антиутопии; миромоделирующие константы – системой религиозно-философских мифологем Апокалипсиса, нравственно-духовных философем Эсхатологии и историософем социальной Энтропии, абсолютизирующих

антиутопическое начало.

Глава третья «Русская проза второй половины XX в.: миромоделирование текстовой полиреальности» посвящена аналитике историко-литературных проблем этого периода. Акцентирована ситуация «антропологического поворота», в рамках которого эстетическая проекция мира выстраивается в условиях все большей интерференции экзистенциального и (нео)мифологического типов художественного сознания. Как следствие, принципы художественного миромоделирования структурируются в координатах онтологических и персонологических моделей ИСС, метаморфозы которых предопределены фрактальными схемами лабиринтной архитектоники. Описаны концепции литературного развития Н. Лейдермана и М. Липовецкого, «маргинальности» новой культурной парадигмы Т. Шехтера, идея четвертой эстетической фазы развития русской литературы М. Эпштейна, теория Г. Нефагиной. Отмечается, что пласт «всплывающего в сознании культуры бытийного начала» в контексте эстезиса русского литературного процесса второй половины XX в., выявляемый в системе антропо- / онтософских констант неклассической парадигмы художественности, составляет основу миромоделирования в современной литературе.

В первом параграфе «Логика и динамика развития русского литературного процесса в социокультурном пространстве второй половины XX в.: генезис, тенденции и перспективы» выявляются и систематизируются концептуальные тенденции русской прозы обозначенного периода, особенности динамики *неклассической парадигмы художественности*. Отмечается, что индивидуально-авторское миромоделирование позволяет отразить эволюцию последовательного развития литературного процесса и в то же время высветить кризисные и динамичные точки слома традиции и этапы возникновения новационной художественной картины мира, построенной в большей степени на игре традиционными культурными кодами (в системе де-: *дешифровки, децентрации, декодировки, деконструкции, деструкции* и т.д.). Возвращенные в «эпоху гласности» произведения андеграунда и русской эмиграции встроили в последнее десятилетие практически весь XX в. Изменилась восприятивная функция литературы – произведения, написанные в разные периоды XX в., начали восприниматься как ключевые явления постсоветского периода. Так проявило себя явление двойного факта как *идентификационный концепт* русской литературы XX в. Наиболее знаковыми тенденциями продолжают оставаться неомифологизация и экзистенциализация, контаминирующие до уровня интерференции, организующей в *неклассическую целостность* «мироподобные» постмодернистские тексты.

Во втором параграфе «Хаосмос и “диалогическая модальность” как способ построения модели “сакрального” мира» исследуются проблемы хаосмоса как способа эстетического миропроектирования; анализируется молитвенный дискурс; отмечается усиление исповедальности особого аналитического качества, детерминирующего структуризацию исповедального диалога по принципу синтеза монологического и диалогического нарратива. Архитектоника исповедального дискурса многопланова и многослойна и за счет семаналитической интертекстуальности. Дискурсивная матрица саморефлексирующего «диалога–монолога» унаследована из эстетики русского авангарда. Так, к примеру, в рассказе-диалоге «Елена Ивановна – Ну вот, Фадей Иванович, все дожди…» Д. Хармса принцип структурирования «смыслового» диалога разрушен окончательно; определяется драматической (родовидовой) формой наррации, формально организованной как «диалог», но семантически представляет искаженный формат диалога – «монолог+монолог». Герои не слышат «чужого»: «другой» полностью отсутствует в системе диалога.

В ***разделе 3.2.1.*** выявляется содержательный объем понятия «хаосмос», рассмотренный как способ эстетической проекции «обыденщины» в модели «внутреннего бытия» в прозе Л. Петрушевской. Писательница сводит хаос бытия к синтетическому «хаосмосу», понимаемому как соотнесенность внутренней дискретности одного человека в одной жизни с беспорядком бытия вообще, что отражает «единый образ мира в тупике». В рассказах «Свой круг» и «Изолированный бокс» Петрушевская пишет о стирании границ привычной антитезы *быт-бытие* (**быт** и **Я**), о превращении ее в самодостаточную реальность жизни-чернухи, о трагическом слиянии онтологических ценностей и бытовухи. Проводится семиотический анализ хаосмотических рецепций в повести «Время ночь», в которой обыденщина «чернухи» и пошлость «житухи» девальвирует высшие ценности. Антимир бытовой реальности, заполняя «внутреннего человека», трансформируется в антимир самосознанИЯ. Именно эта формула и определяет «катастрофу отъединенного сознания» (М. Бахтин). Привычная авторская хаосмотическая схема «свой-чужой», разрушающая диалогическую бахтинскую концепцию «свое познается через чужое и наоборот», концентрирует вокруг себя и ценностно-ориентированные смыслы повести «Время ночь», в которой вся энергия героини направлена на такую же борьбу за жизнь «своих». Петрушевская моделирует «хаосмотический мир» через интерференцию диалогического и монологического дискурсов, позиционирующую особую форму катарсического самоотчета-самоисповеди.

В ***разделе 3.2.2.*** анализируется молитвенный дискурс; выявляются способы его трансформации в современной литературе; обосновывается миромоделирующий тезис «молитва как форма явленности божественного

бытия в “мире как тексте”»; дифференцируются эстетические координаты «молитвы» и «молитвенного дискурса»; идентифицируется код литературной молитвенной традиции (К. Туровский); анализируется авторский «молитвенный дискурс» А. Битова. Отмечается, что молитва приобретает статус авторского текста и метафорически становится некой экзистенциально означенной мифологемой, констатирующей не библейский, а собственно-авторский миф богообращенности. Разрушается ритуальность и обрядовый формализованный характер молитвы при сохранении концептуального качества сакральности.

Третий параграф «Феномен “донкихотствующего сознания” в системе аксиосферы романов А. Битова, Ч. Айтматова, Саши Соколова» посвящен исследованию проблемы интертекстуального функционирования прообраза Дон Кихот в русском литературном процессе XX в. Выделяются три ключевых концепта, моделирующих «магический код» сервантесовского героя –«*добродетель–мученичество–сверхчеловек*»; анализируются константы, раскрывающие нравственно-психологический смысл личностного «Я» Дон Кихота и продуцирующие вариативные антропософские рецепции «донкихотствующего сознания». Анализируемый в рецептивном поле произведений А. Битова, Саши Соколова, Ч. Айтматова эстетический код «*странствующего рыцаря Дон Кихота*» содержательно конституирует утопическую миромодель и становится эволюционным «культуральным знаком» антропософских модусов «страдающего и жертвенного героя» в русской литературе XX в.

В четвертом параграфе «Двойная художественная референция как способ онтологизации культурфилософских образов в прозе “поколения сорокалетних”» освещаются вопросы теории двойной референции как способа культурфилософской контекстуализации художественных миромоделей; анализируются принципы мифомоделирования в прозе «поколения сорокалетних». «Философия общего дела» Федорова становится своего рода идеологическим референтом, в ракурсе которого формируется качественно новая мировоззренческая и культурная парадигма, концептуализирующая особые процессы жанрообразования «мироподобных» текстов. Особенно актуально это для произведений с антиутопическими или утопическими рефлексиями. Писатель моделирует эстетическую реальность посредством диегетического повествования, в котором федоровская философия есть внетекстовая референция.

В ***разделе 3.4.1.*** рассматриваются принципы (нео)мифомоделирования культурфилософских мирообразов в творчестве А. Битова, А. Кима, Т. Пулатова; представлен анализ мифологемы «лес», соотносимой с

рецептивными концептами федоровской теории «всеобщего братства» и повестью А. Платонова «Джан»; идентифицировано референциальное поле контекста мифопоэтического метаобраза «лес», составляющими которого становятся архетипические и культурфилософские «мироприемлющие» смыслы. Моделирующие *миро*образы структурированы на основе как первичных (синкретических) *мифо*образов или мифопредставлений, так и референциальных «текстов-посредников». В результате «мироподобный» метаобраз «лес» определяется как смысловой концентр провиденциального предчувствия краха «общего дела» в социальной энтропии «экзистенциального одиночества».

Диалектика разрушенного всеединства определяет принцип семантизации образа «разрушенного мира». Художественная морфология референции федоровского «общего дела», структурированная по принципу встраивания человека телесного («лесного, косматого», по В. Бибихину) в метаархитектонику неметрического онто-пространства «лес» через образную семиотику «лес–человеческий социум», является одной из важнейших миромоделирующих рецептивных стратегий для русской антропо-онтософии XX в. В системе этнолитературных координат трансперсональная модель «платоновского» текста, со всей суммой внутренних религиозно-философских русских и восточных мифов, проявляется в творчестве Т. Пулатова. Странничество и одиночество являются центральными мотивами повести «Второе путешествие Каипа». Мортальное движение сюжета поддержано семантикой «прерванность рода», детерминированной двойной референцией философии «всеобщего братства» через образы-эйдосы платоновской миромодели повести «Джан». Энергетический императив В. Оствальда, считающего, что область социального и духовного существует в границах взаимоперетекаемой энергии, наложенный на «федоровскую» семиотику платоновского текста, проецируется в семиозисе повести.

Глава четвертая «Принципы конструирования “возможных миров” и субъектная организация текста в русской прозе второй половины XX – начала XXI века» посвящена анализу постнеклассической картины мира, структурируемой по принципу «сознание Личности–ИСС–сознание Бытия». Антропософские и онтософские концепции семантизируются через гипертекстовое моделирование особых форм гиперреальности (онтомиры) и «множащегося сознания», инициирующего метаморфозы сознания (текста, мира, героя). Художественные практики образно-метафорической эстетизации ИСС связаны с мифологическими представлениями о возможностях проникновения в сознание человека Иных и о трансперсональной реальности «разрушенных границ». В литературе эпохи постмодернизма на эти

представления накладывается также понимание онтологического статуса культурного пространства, обладающего особым «текстовым сознанием», способным в своих творческих инвективах впитывать в себя не только все смыслы мира, но и расширять свои границы, используя борхесианские техники «сада расходящихся тропок», миромоделирующие принципы «безбрежной текстуализации». Так, в системе сознательного расширения «мира как текста» до «текста как мира» проектирование «возможных миров», поглощающих «жизненные миры», продуцирует архитектонику «лабиринтного» мироздания как сквозной принцип формальной и содержательной организации текста.

В первом параграфе «Нарративные лабиринты “мысленных миров” (Д. Глуховский, Л. Петрушевская, А. Варламов)» идентифицируется принцип взаимообратимости автобиографического времени и времени наррации, который реализуется в системе метафикциональной архитектоники. Текст как экзистенциально-онтологизированная форма «автобиографического письма», проецирующего «жизнь как наррацию», особенно активно разрабатывается в современной литературе, с ее экспериментами эстетического моделирования текстовых миропроектов в системе нарративного «мысленного мира».

Рефлексивное самоописание во внутреннем тексте «автобиографического письма» другого Я становится смысловым конструктом нарративного лабиринта в романе Д. Глуховского «Текст».

Иная модель представлена в рассказе Л. Петрушевской «Лабиринт»: через встраивание трансперсонального «блоковского текста» в «жизненный мир» героини автор разрушает экзистенциально-онтологические границы культурного хронотопа рубежа XIX–XX вв. и социального хронотопа рубежа XX–XXI вв. Так, Петрушевская фиксирует свойственную двум миллениумным периодам XX в. экзистенциальную ситуацию – разрушение границ чувственного «отмежевания от мира других» и «прорыва к другим “я”».

Следующая модель – «возможный мир» как форма воображаемой инореальности – трансформируется в некий формат «мысленного мира», который встраивается в текстовое пространство через сознание героев. Так, в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» создается особая альтернативная реальность, которая вторгается в сознание героев из прошлого и не столько провиденциально формирует их настоящее или будущее, сколько затягивает их назад, в это самое прошлое.

В романе А. Варламова «Мысленный волк» разрушительное встраивание вторичного «мысленного мира» в «возможный мир» становится метафорой не только расщепленного сознания человека, но и распавшейся онтологической целостности. Авторские вторжения в ментальный уровень сознания героев, представленного как семиотическое поле для миромоделирования

(метафорического, ретротопического, шизоаналитического), становятся принципом конструирования особых «мысленных» мирообразов, которые проецируются как эйдетические мыслеформы.

Созидателями «мысленного мира» становятся герои, чьи природные границы были взломаны людьми, вследствие чего их телесность блокируется, а сознание растождествляется с телом. Таковы праведник Арсений (он же *Устин, Амвросий, Лавр*) и Иннокентий Платонов в романах Е. Водолазкина, Ульяна в романе А. Варламова, героиня Вера в романе П. Алешковского «Рыба. История одной миграции», герои-оборотни романа Д. Липскерова «Последний сон разума» и т.д. Принцип моделирования «мысленного мира» основан на корреляции онтологемы «множащийся мир» и экзистенциологемы «ветвящееся сознание». Это совершенно *новый тип восприятия* «возможного мира».

В параграфе втором «Homo scribens и текстовые лабиринты “мировой книги” (В. Набоков, А. Битов, Т. Толстая, В. Сорокин)» представлены различные модели *мира как текста*, воплощенные в архетипической семиотике «мировой книги». В постмодернизме, на наш взгляд, продолжается тенденция соотнесения архетипа «самость» с текстом, обладающим не функцией отражения-подражания, а собственным личностно-бытийным сознанием (*собственно произведение*) и коллективным бессознательным (*реализованным в контекстуальной системе «культурных кодов»*). Анализируются «мироподобные» модели бытия в системе художественной культурологемы «бесконечной книги» в романах В. Набокова, «книги книг» в антиутопии Т. Толстой «Кысь».

В ***разделе 4.2.1*** исследуется специфика художественного миропроектирования по принципу анти-бартовской формулы «мир не текст», лежащей в основе дистопии «посткнижного мира» в романе В. Сорокина «Манарага». Интегральный анализ культурфилософских, социо-художественных составляющих миромодели «посткнижного мира», инициирующих эстетическую футуро-модель «цивилизаторского проекта» через провиденцию культурологической антиутопии, позволяет идентифицировать интертекстуальные соотнесения постмодернистской протоформулы «мир как текст» с антиутопическими моделями «библиоклазма» (*с семиотикой культурфилософских метамифов*).

Художественная миромодель культурфилософского «библиоклазма» Сорокина, при всей парадоксальности фантасмагорической модели «конца света», укладывается в общую антиутопическую тенденцию XX в. Если художественное проектирование идеалистических миромоделей начала столетия строилось по принципу инициации «возможной утопии» будущего мира, связанного с ожиданием прихода Мессии – духовного

Спасителя человечества, то современная литература проецирует антиутопическую футуро-модель (с вариантами дистопии и ретротопии), провиденциально связанную с ожиданием Апокалипсиса. У Сорокина он имеет социологическою гипотетику, детерминированную культурологией «посткнижного» Апокалипсиса. Гипертекстовая семантика «возможных миров» представлена в романе через интертексты семиотического пространства «библиоклазма», имплицитно содержащие «скрытую логику» разрушения «культурного человечества».

В параграфе третьем «Эстетический “взрыв” метафикциональной прозы в русской романистике: оппозиция “homo interpreter / homo scribens”» раскрываются принципы структурирования герменевтической модели мира, центрирующей вокруг множащегося метасубъекта «homo interpreter / homo scribens / homo narrans»; рассматриваются вопросы романа-комментария и идентифицируются метафикциональные эксперименты в этнолитературе (С. Чупринин); анализируется художественная миромодель «мировая книга» как герменевтическая инициация формулы Р. Барта «мир как текст».

В ***разделе 4.3.1.*** рассматривается специфика субъектной организации романа-музея А. Битова «Пушкинский дом»; проводится дифференциация дискурсивных и субъектных кодов, репрезентирующих «множащийся» образ автора, детерминированного образом «распавшегося времени» как символа «подневольной историчности» писателя Битова. Подчеркивается, что герой Лев Одоевцев, являясь alter ego автора, выполняет одновременно функцию сюжетного героя и кода-персонажа, реализующего некую персонификацию все того же «музейного» кода культуры, обозначившего и жанровую специфику романа-музея. Интерференция разных типов дискурсов (в первую очередь художественного и публицистически-научного) приводит к определенного рода стиранию граней между концептуальными уровнями субъектной организации текста – *автор-литературовед, герой-литературовед, homo interpreter.* Усиливая эффект «множественности» распавшегося сознания и времени, Битов использует прием «проза в прозе», концентрируя внимание на ипостаси Автора не Homo interpreter (комментатора), а Homo faber (Творца), который, с одной стороны, есть воплощение образа Автора-писателя, а с другой – *коллективного героя*, но дифференцированного на персонажные коды, соотносимые и с автором, и с героем.

Эстетический «взрыв» метафикциональной прозы в русской романной системе второй половины XX – начала XXI в. привел к структурированию особой субъектной оппозиции «homo interpreter / homo scribens», представленной в жанровой модели «романа-комментария».

В ***разделе 4.3.2.*** рассматриваются вопросы метасознания Х. Исмайлова.

Метапоэтика Исмайлова может быть охарактеризована как диссипативная (открытая) макросистема, которой присущи бифуркационные характеристики по нескольким уровням: *жанровая система* определяется соотнесением нарративного метаповествования и принципов авторского жанрообразования; *мироподобная система* – размыванием фикциональных границ реального и арреального, реализованным в метафикциональной лабиринтной архитектонике; *миромоделирующие константы* – системой религиозно-философских мифологем ислама (суфизма) и каббалы, антропоцентричных нравственно-духовных философем и историософем социальной Энтропии, разрушающих колониальный миф о некоем культурно-национальном единстве и абсолютизирующих постколониальный эмигрантский неомиф об изгнанничестве как форме сознания. Структура художественного метасознания Исмайлова выстраивается в системе взаимопересечений национальной узбекской лингвокультуры (непосредственно национальное языковое сознание + модель мира), современного эмигрантского мифа о человеке, изгнанном из «родового Сада», и постмодернистской гипертекстовой эстетики, вариативно представленной стратегией *шашмакома* (хиастические принципы, архитектоника лабиринта, зеркальный коридор). Исмайлов вписан в русскую метафикциональную традицию второй половины XX в.: метасознание «маргинально-национального интеллигента», зафиксированное в его полилингвальной транслитературной метапрозе, есть отражение особого «колониального/постколониального» эстезиса русской литературы, объединившего в особую межлитературную общность национальные советские литературы, дву- и полидомных писателей, которые и сегодня продолжают оставаться русскими писателями.

В параграфе четвертом «Интермедиальный палимпсест как принцип художественного проектирования модели “мир как образ” (А. Битов, Д. Гранин, Х. Исмайлов)» раскрываются теоретические схемы организации текстовых моделей «множественный мир» по принципу палимпсеста, функционирование которого методологически реализуется при помощи живописного экфрасиса, через способы «встраивания» различных форм «портрета» и «пейзажа» в художественный текст в системе понятий «реальный» или «вымышленный» (псевдо)экфрасис. В повести А. Битова «Человек в пейзаже», романе Д. Гранина «Картина», повести Х. Исмайлова «ГЕОРГИЙ ЧЕГОДАЕВ: Вторая душа или Письмо в Лондон» вербально-живописный экфрасис позволяет дифференцировать собственно-текстовые художественные формы «портрета» (психологический, речевой) и интермедиальную форму экфрастического «текста», интерферирующего не только виды искусства (живопись+литература), но и хронотопологию

«параллельных миров». Акцентируется способность экфрасиса идентифицировать в художественном тексте миромоделирующие смыслы, демонстрирующие транстекстуальность между интермедиальными слоями палимпсеста, разворачивающего полимодальность художественной картины мира писателей.

Глава пятая «Архитектоника “лабиринтного” мироздания и метаморфозы сознания в русской прозе второй половины XX – начала XXI в.» посвящена исследованию парадигмы культурологических метафор, соотносимых с мирообразом «лабиринт», продуцирующим артефакты пространственно-временной модели «мира в мире». В русской прозе художественная архитектоника «лабиринтного» онто-кода очень разнопланова. Константные признаки инварианта определяются на основе критериев «паракатегории неклассической эстетики» *лабиринт*, среди которых выделяются *многоаспектность* культуры и *полисемия* культурно-бытийных состояний (на основе теории В. Бычкова).

Онтологический семиогенезис «лабиринтного мироздания» восходит к мифическому мышлению, а его антропософская миромоделирующая практика связана с социокультурной экзистенциализацией эпохи, эстетизирующей блуждания личности в состоянии экзистенциального кризиса. Модель «лабиринтного мироздания» представляет собой фрактальную комбинаторику (*систему систем*), сопрягающую мифологический концепт «блуждания по миру» и экзистенциальный – «блуждания в поле сознания». Лабиринт, как миромоделирующий структурный принцип, организует систему трансперсональных (*авторских*) онтологических «лабиринтных» универсалий. Введенные в систему семиотического поля «лабиринтного мироздания», они обретают антропо-онто-моделирующие комбинаторные значения «временнóй пространственности», «сознательной пространственности», «полиреальности», «метафикциональности», «палимпсеста», «гипперреальности» и другие.

В первом параграфе «Homo ludens и литературный дискурс “игровой” модели мира (В. Набоков, В. Пелевин, Е. Зайцев)» определяются критерии игровой модели мира и в частности образа *игрока* как доминантного типа в персонологической системе XX в. Homo ludens является одной из дополнительных ипостасей homo sapiens (*человека разумного*) и homo faber (*человека творца*), – это тип, который Й. Хейзинга вводит в неклассическую эстетику и философию XX в.

Анализ романа В. Набокова «Защита Лужина», с выходом на смысловой контекст романов Г. Гессе «Игра в бисер» и Ф. Достоевского «Игрок», позволяет обнаружить генезис онтологической модели «жизнь-игра» и определения претекста «игровой модели» мира в литературе XX в. На

материале рассказа В. Пелевина «Принц Госплана» анализируется постмодернистская модель «игра игрой». Литературный дискурс «игровой» модели мира реконструирует особый онто-код «игрового ИСС», детерминируемый в процессе обнаружения смыслов в семиотическом поле гипертекста-лабиринта метаморфозами сознания автора (как со-творяющего мирообраз игры Magister ludens), героя (Homo ludens, играющего по законам «текст как мир игры») и читателя (интерпретирующего движение текстового лабиринта Interpreter ludens). Конструирование мирообраза «игра-жизнь-сознание» в системе типов игра-замещение и игра-поглощение реальности виртуальными формами «компьютерной виртуальности» и «дополненной реальности», вытесняющих из сознания homo ludens генетическую память о «жизненном мире», порождает особое провиденциальное свойство произведений с ярко выраженной антиутопической направленностью. Так, в произведениях В. Пелевина «Принц Госплана» и В. Зайцева «Игра» представлена модель гибридного мира как нового «аналога целостного бытия».

В параграфе втором «Homo dreamer и сомнологическая модель мира: формы сна-эйдоса в онейросферической архитектонике текста (Ю. Мамлеев, В. Пелевин, П. Алешковский, Д. Гранин, Е. Абдуллаев)» анализируются художественные сомнологические миромодели; исследуется специфика эйдетического образа как формы эстетической репрезентации эйдоса-сна в системе таких онейрически заданных структур, как «сон», «безумие», «измененное состояние сознания», «оборотничество». Данный тип художественного эйдетизма формирует «сновидящего» героя – homo dreamer. В процессе анализа модели-трансформации сна в «еще более сон» Д. Хармса отмечается, что сновидческая абсурдизация реальности уничтожает сюжетную линию рассказа «Сон» и вместе с расширением пространства сознания героя уничтожает смысл мира, превращая его в некий хаос пространств. Довольно специфична сомнологическая концепция и в прозе В. Пелевина, развивающего борхесианскую линию сновидческой «семантики возможных миров»[16]. Пелевин опускает проблему соотношения иллюзии и реальности и выводит своего читателя на другой онейрический уровень – сосуществование разных возможных миров в плоскости онейрической иллюзии. Интересным нам представляется и сновидческий лабиринт в рассказе Ю. Мамлеева «Сон в лесу». Следуя мифологической логике, писатель создает онейросферическую модель «лабиринта в лабиринте», где входом в одну лабиринтную сферу и выходом становится «дружественный» лабиринт и так до бесконечности –

[16] Художественная концепция Х.-Л. Борхеса выводит на *синтезный* уровень онтологическую и сомнологическую реальности, утверждая, что «мир, бытие, реальность – все это сновидения наяву», «явь реальна только тогда, когда она – сновидение», «Жизнь есть сон, снящийся Богу».

пространство леса есть вход в сон, в лабиринт сна ведет другой сон, выходом из которого становится лес, также являющийся формой сна более высшего бытийного плана.

Архитектоника «лабиринтного мироздания» представлена и в сомнологических моделях мира, онейросфера которых выстраивается также по принципу гибридного наложения реальностей. В произведениях В. Пелевина, Ю. Мамлеева и П. Алешковского репрезентируется лабиринтная онейросферическая модель «сна в сне», эйдетическая заданность которой определяется способностью сновидения быть точкой схождения всех личностных и бытийных горизонтов и тем самым создавать мифопоэтический эффект неразличения иллюзии и реальности. Еще один «лабиринтный» вариант эйдетического мирообраза развернут через модель особого «психейного» хронотопа. В романе Д. Гранина «Вечера с Петром Великим. *Сообщения и свидетельства господина М.*» и в повести Е. Абдуллаева «Пенуэль» *психейная* онейросфера представлена как нелинейное неметрическое «сознание мира», в котором память прошлого врывается в настоящее и вызывает его коллапс.

Художественное миромоделирование онейросферического хронотопа играет важнейшую роль в идентификации сновидения как «первого пространства», не являющегося миметическим по отношению к реальности-действительности, а онтологизирующегося в условиях текстовой модели «мир как текст», и с помощью «сюжетного времени языка и речи» (М. Хайдеггер) сотворяющего новую мироподобную модель бытия.

Параграф третий «Homo somaticus и “превращенная форма” в художественной бестиарной традиции (А. Ким, Т. Пулатов, В. Пелевин, Д. Липскеров, П. Алешковский)» посвящен анализу проблемы художественной эстетизации оборотнических моделей и кодов «homo somaticus» в современной русской литературе, выявлению специфики оборотнических моделей в ракурсе экзистенциально-мифологической феноменологии «превращенной формы». Раскрываются вариативные составляющие художественной оппозиции «человек – зверь» как основы художественного оборотнического бинаризма, определяется динамика моделирования экзистенциально означенных бестиарных неомифов «телесного бытия» в соотнесении с оборотническими анаморфозами и метаморфозами. Оборотническая телесность рассматривается как знаковая система, в рамках которой формируется достаточно сложная многоуровневая поэтика телесной деформации/деструкции/трансформации, определяющая систему метаморфоз не только человеческого тела, но и сознания. Оборотничество высвечивает маргинальность мира и антитетичность современного миропонимания и мирочувствования на основе бинарностей социокультурного плана – «культура-цивилизация» / «антропоцентричность-

телоцентричность»; психологического плана – «человек-зверь»; аксиологически-нравственного плана – «смерть телесная/жизнь духовная», вариативно развернутых в оппозиции «тело/телесность», «чужой/свой», «свой/другой» и т.д. Мифопоэтический анализ принципов моделирования «телесного бытия» позволяет позиционировать «превращенные формы» как бестиарные «аналоги целостного бытия» в произведениях А. Кима, Д. Липскерова, В. Пелевина, П. Алешковского.

В ***Заключении*** представлены выводы исследования.

Русская литература XX в. позиционируется как мировоззренческая и художественно-эстетическая *целостность*, которая доказывается на уровне преемственности миромоделирующих стратегий и единства парадигмальных концептов неклассической художественной модели человека и бытия, инициированной (вариативными) антропософскими и онтологическими концепциями «множественности миров». С*интетизм,* с последующей интерференцией тенденций *неомифологизации и экзистенциализации*, определяется как концептуальный организующий принцип неклассической парадигмы русской прозы XX в.

Перспектива «возможных миров» позиционируется лабиринтной организацией пространственно-временного континуума и их сюжетно-композиционным полилогом. С учетом внутренней взаимосвязи и взаимообусловленности в ней выделяются персонологический и онтологический уровни и соответственно два концепта – ИСС «параллельных миров» (идентифицирующие *антропософский уровень*) и хронотоп «параллельных миров» (организующий миромоделирующую *онтологизацию*).

Модель «человек – бытие»

Персонологический уровень		*Онтологический уровень*
1. Homo ludens	↔	Игровая модель мира
2. Homo scribens	↔	Мир как текст
3. Homo faber	↔	Мир – мировая книга
4. Homo narrans	↔	Нарративная модель мира
5. Homo interpreter	↔	Герменевтическая модель мира
6. Homo dreamer(«сновидец»)	↔	Сомнологическая модель мира *(онейросферическая)*
5. Homo licantropus (оборотень)	↔	Оборотническая модель мира
6. Singleton *(экзистенциальный человек)*	↔	Я – в – бытии
7. Коллективный человек	↔	Ноосферная модель мира

и т. д.

Логика представленной интеграционной миромодели заключена в том, что определенный тип ИСС продуцирует и определенный тип личности,

который в свою очередь репрезентирует соответственную картину бытия, пространственно-временно́й континуум которого выявляет связи между разными уровнями сознания (в первую очередь, *персонологического* и *онтологического*).

Антропософские типы имеют характерологический набор модусов сознания (взаимоперетекаемых), а онто-миры дефинируются моделями «возможных миров». Например, феномен сновидческого ИСС рождает онейрический тип человека – «сновидца» (*homo dreamer)*, продуцирующего сомнологическую модель мира, стыкующую «параллельные миры» яви и сна. Оборотническое ИСС образует следующую цепь – тип человека-оборотня (*homo licantropus*) репрезентирует и оборотническую (с инвариантами – териантропическую, ликантропическую, инсектную) модель мира как круга вечных перевоплощений.

Игровое сознание становится посылом к рождению *homo ludens* и игровой модели множественных «виртуальных миров» и т.д. В целом, текстовая, игровая, сомнологическая, оборотническая миромодели включены в единую систему гипертекстовой модели «человек и бытие», характеризующейся эффектом синестезии, то есть позиционирование одной из них автоматически создает «контекстуальную точку пересечения» с другой.

Особенно наглядно синэстетический характер миропроектов представлен в оборотнической картине мире – телесные ана/метаморфозы homo ludens связаны с мифологическим мотивом превращения, мыслимого как игра в телесные «переходы» из одного Я-сознания в другое, возможные только в определенном состоянии ИСС, представляющем собой онейросферический хронотоп.

Художественная *lud*омания становится принципом неклассической парадигмы художественности и проявляет себя как в семиотическом пространстве «игровой» эстетики, так и на уровне сюжетно-композиционных метафикциональных стратегий, образно-метафорического моделирования, а также в контексте *восприятивно-аналитической* игры писателя Magister ludens с читателем в системе интерпретативного интертекста и гипертекста.

Модель «коллективный человек и ноосферный мир» разворачивается в системе двух ситуаций: *антиутопической* – одинокая экзистенциальная личность (Singleton) в ситуации онтологической катастрофы (смерти, кризиса, эсхатологии); *утопической* – человек-сирота в системе ноосферного «всеобщего братства» должен преодолеть одиночество и стать «кровной» частью рода. Выделяется еще один, эстетически заданный постмодернистской стратегией, «коллективный человек» – развоплощенное авторское Я, встроенное в гетерогенную систему «мира миров / текста текстов» героев-

гетеронимов.

Анализ художественной архитектоники «лабиринтного» мироздания, при всей вариативности трансперсональных моделей, позволяет выявить константный принцип создания «мироподобного» лабиринта. Его механизм заключен во фрактальном конструировании метаобразов «зеркального лабиринта» – «книга в(о) книге», «сон в(о) сне», «город в городе», «сознание в(о) сознании», «игра в игре», «тело в теле» и т.д. Их эстезис соотносится с ключевой миромоделирующей метафикциональной протоформулой «текст о/в тексте», проявленной через миросистемы «вторичной (поли)реальности», функционирующей на уровне многослойных пересечений «жизненных миров» и «возможных миров». Понятие «семантика возможных миров» при анализе художественных миромоделей дефинируется как «смысловое значение вероятностной модели настоящего», варьируемое в полифонии семиотического поля, проецируемого в «возможный мир».

Литература Серебряного века стремится к акцентации гносеологических и религиозно-аксиоматических оснований художественно проектируемых моделей «иных миров»; в 1960–1970-е гг. «неклассическая» литература (в частности, проза «поколения сорокалетних», «городская проза» и т.д.) конструирует художественную модель «одинокого бытия» и экзистенциально означенные мифо-миры; писатели конца века, соотносимые с постмодернистским художественным сознанием по направленческим установкам и/или по ряду принципов постмодернистской (постпост-, мета-) эстетики, моделируют «мироподобный» онто-текст, девальвирующий традиционную культурфилософскую аксиоматику и семиотически воспроизводящий симулякр гиперреальности.

Утопические и антиутопические *мифомодели*, выстраивающие антропософию Спасителя и апокалипсическую онтософию тоталитарного мира (с приходом разрушителя Диктатора/Жругра), детерминируют и антропософскую *провиденцию* ожидания Мессии (у символистов), и антиутопическое *предчувствие* эсхатологического конца мира, референциально реконструирующие «лесные» миромодели в прозе «поколения сорокалетних» и дистопию/ретротопию современных прозаиков.

Такой подход во многом определяет и стратегию миромоделирования в системе этнолитературы, когда инонациональные писатели (рассматриваемые в категориях «полидомность», «би/полилитературность», «транслитературность») на русском языке создают политрадиционные модели наднационального бытия с акцентированием existence Другого/Иного (Т. Пулатов, Ч. Айтматов, Х. Исмайлов, Е. Абдуллаев). Генезис миропроектов в этнолитературе обусловлен как национальными миросистемами и

этномифическим мышлением, так и тенденциями общего поля «советской межлитературной общности».

Художественные антропо-онтософские концепции исследуемых авторов интерферируются в эпохальную модель человека и бытия, идентифицирующую эволюционные «антропологические повороты» и «эстетические взрывы» русского литературного процесса XX столетия.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ

1. Гарипова Г.Т. Актуальные проблемы истории, теории и методологии изучения русской литературы XX века в системе высшей школы // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2011. № 1. С. 65–77.
2. Гарипова Г.Т. «Мировая книга» как художественно-онтологический концепт «бытия» в мировом литературном процессе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2. С. 48–51.
3. Гарипова Г.Т. Логика и динамика развития русского литературного процесса конца XX – начала XXI веков: тенденции и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 20(311). С. 36–40.
4. Гарипова Г.Т. Логика художественного развития русской литературы в социокультурном пространстве XX века // European Social Science Journal [Европейский журнал социальных наук]. 2014. № 12(51). С. 194–199.
5. Гарипова Г.Т. Парадигма ценностных концептов русской литературной классики в системе аксиосферы художественного процесса XX в. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2015. № 2. С. 5–14.
6. Костылева И.А., Гарипова Г.Т. Специфика организации дисциплины «Новейшая отечественная литература» в системе современного филологического образования в высшей школе // Вестник ВлГУ. Сер.: Педагогические и психологические науки. 2018. № 34(53). С. 52–63. (Авторское участие 50%).
7. Гарипова Г.Т., Костылева И.А. Метапоэтика художественных антиутопий рубежа XIX–XX веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1(178). С. 20–29. (Авторское участие 80%).
8. Гарипова Г.Т. Коды «телесного бытия» в прозе русского символизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 25–29.
9. Гарипова Г.Т. Homo somaticus и «превращенная форма» в бестиарной традиции современной русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 8. С. 30–34.

10. Гарипова Г.Т. Полилингвизм и транслитературность в контексте метафикциональных стратегий Хамида Исмайлова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 78–87.
11. Гарипова Г.Т. Семиогенезис мифа о «новой экзистенции» в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 7–16.
12. Гарипова Г.Т. Homo dreamer и формы эйдоса-сна в онейросферической архитектонике русской прозы XX века // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2020. № 1(64). С. 12–20.
13. Гарипова Г.Т. Специфика художественного миромоделирования в прозе русского символизма: теория, тенденции, трансперсональные модели // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 399–423.
14. Гарипова Г.Т. Художественная рецепция восточных идеалистических концепций «возможных миров» в русской литературе XX века // Вопросы филологии. 2020. № 3(71). С. 66–72.
15. Гарипова Г.Т. «Археология письма» или сложноорганизованный смысл метасознания Х. Исмайлова // Вопросы филологии. 2020. № 3(71). С. 77–84.
16. Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Дети Иова: крымская версия // Вопросы филологии. 2020. № 3(71). С. 61–66. (Авторское участие 70%).
17. Гарипова Г.Т. Философская референция как способ художественного миромоделирования в «прозе поколения сорокалетних» (А. Битов, А. Ким) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 259–263.
18. Гарипова Г.Т. Художественное проектирование культурфилософских миромоделей «библиоклазма» в современной литературе (на материале романа В. Сорокина «Манарага») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 602–607.

Монографии и учебные пособия

19. Гарипова Г.Т. Художественные модели бытия в литературе XX века: моногр. Ташкент: MUMTOZ SO'Z, 2012. 352 с.
20. Гарипова Г.Т. Ориентиры и новации в методике изучения литературы в системе теории межкультурной коммуникации // Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: коллектив. моногр. (междунар. проект). Ташкент: Geo fan polygraph, 2013. С. 60–72.
21. Гарипова Г.Т. Художественная онейросфера как поле моделирования междисциплинарных трансперсональных моделей сознания // Филологическая наука в системе межкультурных коммуникаций XXI века: коллектив. моногр. (междунар. проект). Вып. 2. Ташкент: Geo fan polygraph, 2015. С. 177–186.

22. Гарипова Г.Т. «Мироподобная структура» современного романа в контексте теории В.Е. Хализева // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: коллектив. моногр. (междунар. проект). Вып. 4. Ташкент: Navroz, 2018. С. 21–36.
23. Гарипова Г.Т., Костылева И.А. Премиальный вектор развития современной русской литературы: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 200 с. (Авторское участие 70%).

Публикации в других научных изданиях

24. Гарипова Г.Т. Философия «поиска счастья» в русской литературе // Международный академический журнал. 2001. № 1. С. 43–45.
25. Гарипова Г.Т. Тема свободы в повести А. Платонова «Джан» // Преподавание языка и литературы. Ташкент, 2001. № 4. С. 44–50.
26. Гарипова Г.Т. Нравственно-философские основы концепции личности в прозе «шестидесятников» // Международный академический журнал. 2001. № 2. С. 32–34.
27. Гарипова Г.Т. Исповедальное начало прозы Л. Петрушевской // Преподавание языка и литературы. 2004. № 3. С. 53–60.
28. Гарипова Г.Т. «Хаосмос» в повести Л. Петрушевской «Время ночь» // Международный академический журнал. 2003. № 1. С. 3–7.
29. Гарипова Г.Т. Художественная интерпретация концептов веры и предательства в романах Ч. Айтматова и А. Битова // Преподавание языка и литературы. 2004. № 3. С. 60–67.
30. Гарипова Г.Т. Реальность и «другая» жизнь // Звезда Востока. 2005. № 1. С. 119–125.
31. Гарипова Г.Т. «Игрок» Достоевского и homo ludens в «игровой» модели мира в прозе XX века // Преподавание языка и литературы. 2007. № 2. С. 51–55.
32. Гарипова Г.Т. Мифомодель «книги бытия» в мировой литературе XX века (трилогия Д. Мережковского «Христос и Антихрист» и роман Д. Джойса «Улисс») // Звезда Востока. 2010. № 3–4. С. 181–187.
33. Garipova G.T. The conceptual trends of the development of the modernistic type of the artistic consciousness in Russian literary process of the XXth century // Филология масалалари. Илмий-методик журнал. 2014. № 3–4. С. 105–108.
34. Гарипова Г.Т. Концептуальные проблемы жанровой трансформации в современной русской литературе // Мировой литературный процесс: автор – жанр – стиль: сб. науч. тр. Брест, 2011. С. 40–42.
35. Гарипова Г.Т. «Онтологический плюрализм» русского литературного модернизма первой половины XX века // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Ежемесячный научный журнал. 2015. Ч. 4. № 3(8). С. 27–30.
36. Гарипова Г.Т. Антропософская «семантика возможных миров» в прозе

В. Брюсова // Вестник ВлГУ. 2017. № 3 (15). С. 45–52.
37. Гарипова Г.Т. Феномен «донкихотствующего сознания» в рецептивном поле русской литературы XX века // Вестник ВлГУ. 2017. № 1(13). С. 54–63.
38. Календарь Москвы: «собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмайлова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре: сб. науч. ст. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 71–85.
39. Гарипова Г.Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 5. С. 467–474.
40. Гарипова Г.Т. «Пограничная зона» оборотнической модели бытия в мировой литературе XX века. Бестиарий антитез: сб. ст. Тула: Аквариус, 2019. С. 156–166.
41. Гарипова Г.Т. Этнософия Другого как проблема современной русской литературы в научно-образовательной парадигме постколониального мира // IUDAICA RUSSICA. 2020. Nr 2(5). С. 137–145.
42. Гарипова Г.Т. Интермедиальный палимпсест как принцип художественного миромоделирования в русской литературе // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 1(5). С. 33–52.

Публикации в сборниках материалов научных конференций

43. Гарипова Г.Т. Символическое моделирование пространственно-временной образности в литературе XX века // Актуальные проблемы русской филологии и методика обучения языку и литературе: материалы республик. науч.-практ. конф. Ташкент, 2003. С. 122–125.
44. Гарипова Г.Т. Методика комплексного использования внутритекстового (имманентного) и контекстуального рассмотрения художественного текста // Актуальные проблемы русской филологии и методика обучения языку и литературе: материалы республик. науч.-практ. конф. Ташкент, 2003. С. 277–278.
45. Гарипова Г.Т. Трансформация жанра романа в литературе постмодернизма второй половины XX века // Гуманистическая роль языка и литературы на современном этапе: материалы науч.-практ. конф. Бухара, 2004. С. 44–46.
46. Гарипова Г.Т. Русский роман конца XX века в контексте «Чтений о богочеловечестве» В. Соловьева (опыт генеративной поэтики). Развитие жанра романа в последней трети XX века // Материалы республик. науч. конф. Ташкент, 2007. С. 40–42.
47. Гарипова Г.Т. Эстетизация игры в литературе XX века // Мир духовной культуры человечества: сб. науч. тр. Бухара, 2007. С. 41–43.
48. Гарипова Г.Т. Особенности формирования прозаической жанровой системы в русском литературном процессе XX столетия // Русский язык и литература в

Узбекистане: современное состояние и перспективы развития: материалы науч.-практ. конф. Ташкент, 2008. С. 11–14.
49. Гарипова Г.Т. Художественная сомнология XX века // Ежегод. Виноградовские чтения. Ташкент, 2008. С. 52–55.
50. Гарипова Г.Т. Художественная система «параллельных миров» в русской литературе XX века (в аспекте методологии интегрального литературоведения) // Материалы республик. науч.-практ. конф. «Филология в XXI веке: тенденции, теория, культурные практики». Ташкент, 2008. С. 118–120.
51. Гарипова Г.Т. Архитектоника «лабиринтного» мироздания в прозе XX века // Материалы ежегод. Виноградовских чтений в Узбекистане. Ташкент, 2009. С. 271–274.
52. Гарипова Г.Т. Эволюция художественной сомнологической концепции в прозе XX века // Диалог культур: Россия-Запад-Восток. Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». М.; Ярославль, 2009. С. 258–263.
53. Гарипова Г.Т. Многоплановость идеалистических концепций миропорядка в русской и узбекской прозе XX века // VI Виноградовские чтения в Республике Узбекистан (материалы). Ташкент, 2010. С. 169–171.
54. Гарипова Г.Т. Сознание текста – сознание мира: проблема теории художественного сознания XX века // Бородинские чтения: сб. науч. тр. Ташкент, 2010. С. 68–76.
55. Гарипова Г.Т. Методология исследования телесного кода в системе лингвоспектрального анализа в контексте иноэтнокультурного мирового пространства // Преподавание русского языка и литературы в иноэтнокультурном пространстве: материалы межвузов. науч.-метод. семинара. Ташкент, 2011. С. 137–140.
56. Гарипова Г.Т. Современная литература как система // Актуальные проблемы современного литературного процесса: материалы межвузов. науч.-практ. конф. Ташкент: Ўз ДЖТУ, 2011. С. 33–34.
57. Гарипова Г.Т. Концепция курса «История русской литературы XX века» в системе высшего филологического образования в Республике Узбекистан // Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира: сб. материалов междунар. конф. М.: Экон-информ, 2011. С. 185–195.
58. Гарипова Г.Т. Художественная инвариативность «лабиринтного» миромоделирования в мировой литературе XX века // Русская литература за рубежом: сб. материалов Седьмых междунар. науч. Панковских чтений. М., 2011. С. 8–11.
59. Гарипова Г.Т. Художественная картина бытия в русской литературе на рубеже XX–XXI веков // Русское слово сегодня: теория и практика

филологического исследования: материалы науч.-практ. конф. Ташкент, 2012. С. 57–62.
60. Гарипова Г.Т. Тенденции неомифологизации и экзистенциализации художественного сознания в мировом литературном процессе XX века // Цветаевские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: сб. ст. Бухара, 2012. С. 115–117.
61. Гарипова Г.Т. Концепция Личности в романе-музее А. Битова «Пушкинский дом» // Модернизм и современный литературный процесс: материалы науч.-практ. конф. Ташкент: MUMTOZ SO'Z, 2013. С. 34–37.
62. Гарипова Г.Т. Русский литературный процесс на рубеже XX–XXI веков: Специфика направленческой организации // Интегративные функции языка и литературы в поликультурном пространстве современного мира. Девятые Виноградовские чтения: материалы. Ташкент: Geo fan polygraph, 2013. С. 146–148.
63. Гарипова Г.Т. Онтологическая проблематика в русской прозе второй половины XX века // Гуманитарные науки и стратегии образования: пути интеграции. Междунар. науч.-практ. конф. «Надькинские чтения». Саранск, 2013. С. 24–29.
64. Гарипова Г.Т «Homo ludens» Достоевского в художественной модели мира XX века // IV Междунар. симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избран. докл. и тез. М.: Фонд Достоевского, 2012–2014. С. 44–47.
65. Гарипова Г.Т. Мистика «портрета» в «Портрете» Н.В. Гоголя (культурологическое поле «портрета» в художественной литературе) // Сб. материалов по итогам проведения ежегод. метод. мастерской для преподавателей-русистов стран СНГ и Балтии (2014 – Белоруссия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) в рамках федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 годы. М.: Открытая русская школа; Россотрудничество, 2014. С. 163–171.
66. Гарипова Г.Т. Типология жанра «неклассического» романа в русском литературном процессе XX века // Русский язык и русская литература в мировом культурном пространстве. Ценности и смыслы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М.: Экон-Информ, 2015. С. 61–74.
67. Гарипова Г.Т. «Мир как текст» в структуре художественной модели мира XX века // V Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избран. докл. и тез. М.: Фонд Достоевского, 2015. С. 565–571.
68. Гарипова Г.Т. Феномен «культурной памяти» русского литературного модернизма первой половины XX века // Двенадцатые Виноградовские чтения: междунар. сб. науч. ст. Ташкент, 2016. С. 238–245.

69. Гарипова Г.Т. «Homo licantropus» и ликантропическая модель мира в мировой литературе XX века: фэнтези, философия ИСС или метаморфозы оборотнической экзистенции // В поисках границ фантастического: на пути к методологии: сб. тез. II науч. конф. Москва-Броцлав, 2016. С. 6–7.
70. Гарипова Г.Т. Герменевтика как тип художественного мышления в русской литературе второй половины XX–XXI веков: оппозиция «homo interpreter/homo scribens» // Грехневские чтения: Литературное произведение в системе контекстов. Вып.7. Н. Новгород: Книги, 2017. С. 294–300.
71. Гарипова Г.Т. Диалог как форма исповеди: теория века? философия сознания? литературная рефлексия? // Тринадцатые Виноградовские чтения: междунар. сб. науч. ст. Ташкент, 2017. С. 101–104.
72. Гарипова Г.Т. Художественная феноменология воображаемых миров в литературном тексте // XIV Виноградовские чтения: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Ташкент–Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 123–128.
73. Гарипова Г.Т. Молитва как форма явленности божественного бытия в «мире как тексте»: русский литературный процесс XX века и слово Бога // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование: материалы IX междунар. науч. конф., посвящ. памяти правосл. просветителей св. равноапостол. Кирилла и Мефодия. Владимир: ВлГУ, 2018. Т. 15. С. 75–87.
74. Гарипова Г.Т. Автор-литературовед, герой-литературовед, Homo interpreter в романе А. Битова «Пушкинский дом» // Литературовед в современной культуре: личность, слово, общество: сб. материалов XII междунар. науч. конф. «Художественный текст и культура». Владимир: Транзит-Икс, 2019. С. 67–73.
75. Гарипова Г.Т. Историософская оппозиция «жизнь/война» в философской и литературной традиции XX века // XV Виноградовские чтения: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Ташкент; Архангельск: САФУ, 2019. Т. 2. С. 108–115.
76. Гарипова Г.Т. Феномен коммерциализации премиального вектора развития русской литературы в оценке современной критики: за и против (на материале статей А. Рейтблата, И. Шайтанова, Н. Кофырина, Евг. Абдуллаева) // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М.: Фак. журн. МГУ, 2021. С. 336–337.

Подписано в печать 18.06.2021 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2. Заказ № 461. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Рек-Таймс».
600009, г. Владимир, ул. Северная, д. 38а.